

Роджер

**МАЛЬЧИК,
КОТОРЫЙ ДОСТАЛ
ДО ЗВЕЗД**

Роджер

Мальчик, который достал до звёзд

«Автор»

2026

Роджер

Мальчик, который достал до звёзд / Роджер — «Автор», 2026

Посвящается 65-й годовщине первого полета в космос. Он родился с мечтой, которую никто не понимал. В четыре года он разобрал телевизор, чтобы починить автопилот. В десять — победил смертельную болезнь, строя из больничных трубок орбитальную станцию. В пятнадцать — поджёг школьный кабинет химии, испытывая ракетное топливо. В двадцать пять — переспорил военных врачей и сел за штурвал. В тридцать семь — полетел к звёздам. Эта книга — о мальчике, который не умел сдаваться. О мальчике, который видел небо во сне и сделал его своей жизнью. О мальчике, который доказал: если мечтать достаточно громко и долго, космос ответит.

© Роджер, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Тот самый сон	5
Глава 1. Аэропорт на подоконнике	7
Глава 2. Болезнь и бетонные крылья	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Роджер

Мальчик, который достал до звёзд

Посвящается всем покорителям и мечтателям, которые меняют наш мир к лучшему, в честь 65 годовщины первого полета человека в космос.

Эта книга — о том, что мечты не имеют противопоказаний. Кроме одного: нельзя бояться упасть. Потому что падение — это всего лишь начало нового взлёта.

Пролог: Тот самый сон

Каждую ночь, едва за окнами маленькой хрущёвки гас свет и дворовые фонари начинали своё тусклое мерцание, трёхлетний Тёма проваливался в одно и то же пространство. Это нельзя было назвать сном в привычном смысле, с картинками, людьми, испугом или радостью, там не было ни лиц, ни ярких красок, ни звуков шагов или голосов.

Было только ощущение, которое приходило внезапно, будто пол под ним исчезал, тело становилось лёгким до звона, до странного, почти болезненного счастья. Огромная невидимая рука, нет, не рука даже, а сила, бережно поддевала его снизу, приподнимала над продавленной кроватью, где пахло стиральным порошком и старой игрушкой-чебурашкой. Он медленно плыл вверх, его ножки, ещё неуклюжие, днём спотыкавшиеся о порог, сейчас висели в пустоте без всякого веса, а потом мягкий толчок и он переворачивался вверх тормашками.

В ушах звенела такая тишина, какой не бывает на земле, ни гула машин за окном, ни маминого шёпота из соседней комнаты, ни дыхания кота Мурзика, спавшего в ногах. Только ровный, бесконечный звон, похожий на тот, что остаётся после удара в большой колокол, только если встать очень далеко.

Стены комнаты исчезали, потолок расступался, как туман и там, наверху, не было ничего страшного, только холодное, чёрное, бесконечное пространство, в котором он, маленький мальчик в синих пижамных штанах, был самым главным и самым свободным существом во вселенной.

А потом сон обрывался, всегда в один и тот же момент, когда начинало казаться, что его сейчас унесёт навсегда. Резко, как выдернутый шнур. Тёма распахивал глаза.

В комнате было темно. Только слабый свет от уличного фонаря пробивался сквозь тонкую занавеску, рисуя на стене дрожащую ветку клёна. Пододеяльник сбил в комок. Щека горела от наволочки.

Тёма не плакал, никогда не плакал после этого сна, он быстро садился, путаясь в длинных рукавах пижамы, и нащупывал в темноте отцовское плечо. Отец спал чутко, сказала бывшая инженерная работа, привычка вставать по сигналу.

— Пап, — шептал Тёма так тихо, будто боялся, что сон услышит и рассердится. — Пап, я опять летал.

Отец приоткрывал глаза, в полумраке его лицо казалось вырезанным из старой фотографии, усталое, с ранними морщинами вокруг глаз, но тёплое. Он не говорил «спи, тебе приснилось», не говорил «это просто сон», он молча проводил широкой шершавой ладонью по Тёминым вихрам, приглаживая их, словно пытался удержать на месте что-то очень важное, ускользающее.

— Это твой позывной, сынок, — негромко произносил отец, и голос его звучал не как у обычного человека, а как у того, кто знает какой-то великий секрет. — «Стрелец».

Тёма не понимал тогда, что значит «позывной». Ему было всего три года, он путал левый ботинок с правым и искренне считал, что Луна — это перегоревшая лампочка, которую забыли выкрутить, но в этом слове — «Стрелец» — ему слышалось что-то быстрое, острое, летящее. Что-то, что не может оставаться на земле.

Он кивал, зарывался лицом в отцовский бок, чувствуя запах машинного масла, который не выветривался из отцовской майки даже после третьей стирки, и снова закрывал глаза.

Сон больше не возвращался той ночью. Но мальчик уже знал: где-то там, над крышами, над фонарями, над спящим городом, его ждут и когда-нибудь он полетит по-настоящему. Не во сне, а наяву.

Глава 1. Аэропорт на подоконнике

В четыре года другие дети знали, что у медведя четыре лапы, у кошки хвост, а у пожарной машины красный цвет, Тёма знал другое, он мог, сидя на горшке и жуя крендель, не глядя в окно определить: «Сухой Суперджет» идёт на посадку. Потому что у него двигатели звучат не так, как у «Боинга-737». У «Боинга» бас гуще, с хрипотцой, будто самолёт простудился, а у «Сухого» голос тоньше, резче, похож на звук дрели, если дрель научить петь.

Мать сначала умилялась, потом начала беспокоиться, ей хотелось нормального сына, который собирает конструктор «Лего» и водит в детском саду хороводы вокруг ёлки. Поэтому по выходным она пыталась приобщить Тёму к цивилизованному досугу.

— Тём, мы идём в «Сокольники»! Там карусели, там мороженое с шоколадной глазурью, там пони катает детей! — звонко объявляла она субботним утром, уже натягивая на себя пальто с огромными пуговицами.

Тёма, сидя на корточках в прихожей и зашнуровывая свои сандалии (всегда сначала левый, потом правый, иначе мир перевернётся), поднимал голову и смотрел на мать долгим, взрослым взглядом.

— Мам, — говорил он спокойно, как профессор, который устал объяснять студентам очевидное. — В «Сокольниках» не летают самолёты. Вообще никакие. Даже «Ан-2», который ещё называют «кукурузником». Я проверял.

Мать вздыхала, отец из-за кухонной двери усмехался и делал вид, что чистит картошку, а Тёма уже тащил её за руку к автобусной остановке, потому что сегодня — только сегодня! — во Внуково обещали показывать новый лайнер и надо было успеть к одиннадцати, пока солнце светит на взлётку под нужным углом.

Смотровая площадка у Внуково была местом суровым, там пахло керосином, нагретым бетоном и свободой. Вдоль сетки-рабицы всегда стояли молчаливые мужчины с биноклями, которые знали бортовые номера всех самолётов страны. Тёма, прижимаясь животом к холодной сетке, чувствовал себя среди них своим, не болтал, не просил мороженого, а просто смотрел. Часами.

Его нос оставлял на металлической сетке влажные отпечатки. Ветер трепал его белобрысую чёлку. Мимо, по стеклянному переходу, ведущему из терминала к трапам, неторопливо проходили стюардессы в синей форме. У них были красивые причёски и колёсики у чемоданов. Иногда одна из них замечала маленького мальчика, прилипшего к забору, и улыбалась. Тёма не улыбался в ответ. Он провожал взглядом самолёт, который они собирались обслуживать, и мысленно проверял выпуск закрылков.

— Этот, — бормотал он себе под нос, когда «Ил-96» с рёвом отрывал нос от полосы, — слишком долго держит тормоза, перегрузка на шасси повышенная.

Стоявший рядом пожилой мужчина в кожаной кепке косился на четырёхлетнего ребёнка, потом на жену, потом снова на ребёнка. Жена пожимала плечами. Мужчина доставал фляжку и делал глоток.

Однажды, вернувшись домой после трёхчасового стояния у сетки (мать замёрзла и чихала в варежку), Тёма прошёл на кухню, молча выдвинул ящик с инструментами, взял отвёртку, старые пассатижи и направился в зал. Там, на тумбочке, пылился старый ламповый телевизор «Рекорд», который давно сломался и работал только как подставка под цветочный горшок.

Бабушка варила суп. Она слышала подозрительный хруст, потом звон, потом что-то похожее на щелчок откусываемой проволоки. Выбежала из кухни и всплеснула руками так, что половник вылетел в коридор.

— Тёма! Что ты делаешь?! Ты что, очумел?! Это же телевизор! Его дядя Коля из Саратова привозил!

Тёма сидел на полу, окружённый грудой винтиков, пружин, цветных проводочков и трёх больших микросхем, похожих на маленькие серебряные города. Лицо у него было предельно сосредоточенное. Он держал в одной руке отвертку, в другой — плату с намертво припаянным резистором и рассматривал её на просвет, как драгоценность.

— Ба, не мешай, — сказал он голосом человека, который спасает мир. — Я тут автопилот ремонтирую.

Бабушка присела на корточки, держась за сердце.

— Какой ещё автопилот?

— Для «Ту-154», — терпеливо объяснил Тёма и ткнул отверткой в плату. — Видишь, тут цепь разорвана. Если сейчас не пропаять, самолёт будет крениться на левое крыло при заходе на посадку. А это, — он поднял повыше маленькую круглую деталь, похожую на таблетку, — гироскоп. Он отвечает за ориентацию в пространстве. Без него вообще никак.

Бабушка открыла рот, закрыла его, потом медленно поднялась и ушла на кухню пить валидол. Мать, вернувшись из магазина, увидела разобранный «Рекорд», начала было кричать, но отец остановил её. Он стоял в дверях, скрестив руки на груди, и смотрел на сына с выражением, которое нельзя было назвать ни гневом, ни удивлением.

— Ты, главное, — тихо сказал отец, — когда соберёшь, не забудь конденсатор разрядить, а то ударит.

Тёма кивнул, не поднимая головы, он уже знал про конденсаторы с двух лет.

Вечером того же дня, когда бабушка заклеивала коробку от телевизора скотчем и причитала, что «растёт не ребёнок, а инженер-вредитель», Тёма сидел на своей кровати и рассматривал стены. Комната у него была маленькая — всего девять квадратов, но на этих девяти квадратах помещалась вся вселенная.

Сразу над подоконником, на старых, ещё советских обоях в мелкий цветочек, висела карта звёздного неба, она была потрёпанной, с надорванным краем — папа принёс её из библиотеки, где списывали устаревшие пособия. На ней Тёма фломастером обвёл Полярную звезду и написал корявыми буквами: «Здесь всегда север, даже если ты вверх ногами».

Рядом, впритык, на обороте обоев — потому что чистого листа бумаги не нашлось, — был нарисован план кабины пилотов Ил-76. Тёма рисовал его три дня, используя линейку, транспортир и мамину помаду для красных кнопок. Там было всё: кресло командира, сектор газа, приборная доска с двадцатью тремя циферблатами, рычаг выпуска шасси и даже пепельница (хотя он не знал, зачем пилотам пепельница, но на картинке в журнале «Крылья Родины» она была).

Между картой и планом ютилась фотография Гагарина, вырезанная из газеты. Гагарин улыбался, Тёма иногда разговаривал с ним перед сном.

— Юрий Алексеевич, — шептал он, укрываясь одеялом с паровозиками, — у меня сегодня автопилот почти получился, только одна микросхема взорвалась, когда я её к батарее подключил.

Гагарин с фотографии молчал, но улыбался ободряюще.

За окном, за тонкой шторкой, сидел самолёт, Тёма узнал его по звуку — «Боинг-737», простуженный бас. Мать спала на диване, отец читал на кухне газету, бабушка крестилась на икону в углу, а маленький мальчик в комнате с обоями в цветочек смотрел на самолёт, на звёзды и на план кабины, нарисованный помадой, и знал.

Ещё не сегодня и не завтра, но однажды он будет сидеть в настоящем кресле командира и совсем неважно, что бабушка называет его вредителем, а мама вздыхает. Важно, что небо не смеётся над ним, оно терпеливо ждёт.

Глава 2. Болезнь и бетонные крылья

Осень в первом классе выдалась промозглая, небо над Москвой висело низкое, серое, будто кто-то накрыл город мокрым одеялом. Тёма кашлял уже вторую неделю, но терпел и не хотел пропускать уроки. В школе как раз проходили тему «Воздушный транспорт», и он боялся, что без него учительница что-нибудь перепутает (например, скажет, что у «Ан-124» «Руслан» четыре двигателя, а их, между прочим, целых шесть, если считать вспомогательную силовую установку).

Но организм рассудил иначе, однажды утром он проснулся от того, что не может вдохнуть, грудная клетка будто налилась свинцом, каждый вдох давался с хрипом, похожим на звук ржавых кузнечных мехов. Мать, заглянувшая в комнату, побледнела так, что стала одного цвета с простыней.

— Тёма, — сказала она чужим голосом. — Ты почему синий?

Через час его уже везли на «скорой», мигалка крутилась, сирена выла, но Тёма не испугался, он лежал на жёстких носилках, смотрел в потолок машины и думал: «Интересно, у космонавтов перед стартом тоже так колотится сердце? Или они просто умеют дышать по-другому?»

В больнице оказалось, что всё серьёзно, атипичная пневмония, так сказал врач, хмурый мужчина с усами, похожими на крылья чайки. Слово «атипичная» Тёме не понравилось. Оно звучало как «неправильная», «не такая, как у всех», а он не любил, когда что-то шло не по инструкции.

Палата, куда его положили, была рассчитана на четверых, но по факту в ней обитало человек шесть, с учётом мам, которые ночевали на стульях. Пахло здесь так, будто хлорку смешали с тоской и прокипятили на медленном огне. Стены выкрасили в бледно-зелёный цвет, который в учебниках по психологии называют «успокаивающим», а на деле «тошнотворно-больничным». Окна выходили во внутренний двор, где стоял одинокий тополь, облепленный воронами.

Другие дети плакали, точнее, они плакали постоянно. Мальчик Вова с соседней койки ревел каждый раз, когда медсестра брала в руки шприц. Девочка Лена плакала по ночам, звала маму, хотя мама сидела тут же, в углу на раскладушке, и сама вытирала слёзы украдкой, а Петя, который лежал у окна, вообще не разговаривал, только смотрел в потолок и молча пускал пузыри через кислородную маску.

Тёма не плакал, просто он понял одну вещь на второй день пребывания в палате: слёзы не помогают дышать, а дышать было главной задачей. Каждый вдох, маленькая победа, а каждый выдох, обещание, что ты ещё жив.

Капельницы пискляво отсчитывали капли, внутри вен медленно растекалось что-то горькое и чужое. Температура поднималась до сорока, потом падала, потом снова лезла вверх, как упрямый альпинист. Тёма лежал с закрытыми глазами и представлял, что он на орбите. Что его тело — это космический корабль. Что капельница — это система дозаправки, а температура — это перегрузка при входе в плотные слои атмосферы.

— Если корабль сгорит, — шептал он в подушку, — значит, он слишком медленно шёл. Надо быстрее, надо прожечь атмосферу.

На третий день, когда ему чуть полегчало, он сел на кровати и огляделся. Вокруг валялись пустые баночки из-под лекарств, пластиковые стаканчики, бинты и прочий больничный хлам, тогда Тёму осенило.

Он попросил у медсестры Любы несколько систем для переливания крови — те самые длинные прозрачные трубки с зажимами и резиновыми переходниками. Люба была молодой, с веснушками на носу и с добрыми глазами. Она сначала удивилась, потом спросила:

— Ты что, хочешь себе ещё одну капельницу поставить? Или убежать собрался?

— Нет, — серьёзно ответил Тёма. — Я хочу построить орбитальную станцию «Мир».

Люба подумала, что у мальчика жар и бред. Потрогала лоб — нет, температура уже нормальная. Посмотрела в глаза — они были ясные, даже слишком ясные для больного ребёнка.

— А зачем тебе «Мир»? — осторожно спросила она.

— Чтобы помнить, — ответил Тёма. — Что даже когда ты прикован к кровати, можно летать.

Люба не стала спорить, она принесла ему целый пакет трубок, несколько пустых флаконов из-под глюкозы, крышечки от ампул и даже один зажим, который случайно завалялся в её кармане. «Только тихо», — шепнула она и ушла делать обход.

Тёма принялся за работу. Трубки он соединял в узлы, имитируя стыковочные отсеки. Флаконы становились модулями — «Квант-1», «Квант-2», «Кристалл». Крышечки от ампул превратились в солнечные батареи. Он так увлёкся, что не заметил, как в палату зашёл главный врач, старый, очень старый человек с седыми, почти белыми волосами, с глубокими морщинами на лице, похожими на трещины в высохшей земле. Говорили, что он был военным хирургом, что прошёл Афганистан, что видел такое, от чего другие седеют за одну ночь. Его звали Борис Семёнович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.